

OUT-GROUP'ОВАЯ ПЕРСПЕКТИВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЧУЖЕРОДНОСТИ В РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ю. И. Детинко

Сибирский федеральный университет

Поступила в редакцию 22 июня 2010 г.

Аннотация: рассматриваются особенности реализации категории «чужеродность» в российском политическом дискурсе, обусловленные перспективой автора дискурса («out-group» перспектива) и семантикой понятия «чужой». Выделяется ряд стратегий репрезентации чужеродности, и анализируются языковые средства, релевантные с точки зрения «out-group» перспективы.

Ключевые слова: категория «чужеродность», политический дискурс, стратегии, «out-group» перспектива.

Abstract: the article deals with the peculiarities of the realization of the category of otherness in Russian political discourse restricted by the perspective of the author of the discourse («out-group» perspective) and the semantics of the concept «other». In this respect a set of strategies representing otherness has been distinguished and linguistic means relevant in terms of «out-group» perspective have been analysed.

Key words: category of otherness, political discourse, strategies, «out-group» perspective.

Анализ политического дискурса с точки зрения репрезентации чужеродности предполагает выявление и описание коммуникативно-языковых средств, реализуемых через соответствующие стратегии политического дискурса. Основная интенция категории «чужеродность» заключается в эксплицитной или имплицитной демонстрации того, что объект, о котором идет речь, «чужой», «другой», «иной», не «нашего круга». «Out-group» перспектива реализации категории «чужеродность» в политическом дискурсе проявляется в отношении представителей политических партий и политических агентов к своим политическим оппонентам – представителям другой культуры.

А. Б. Пеньковский указывает на то, что категория «чужеродность» должна сопрягаться с категорией отрицательной оценки («чужое» – «плохое») [1, с. 54]. Однако наблюдения показывают, что к «чужому» можно относиться по-разному. Не свое, иное всегда имеет две стороны. Чужое воспринимается как нечто непонятное, возможно, таящее в себе угрозу или опасность. Однако, являясь неизведанным, чужое может и привлекать к себе, вызывать интерес и любопытство [2, с. 180].

«Невраждебное» отношение к «чужому» может быть объяснено с этимологической точки зрения. Э. Бенвенист на материале анализа индоевропейских лексических единиц установил, что понятие «чужой» имело несколько значений: 1) «чужестранец»; 2) «чужестранец, пользующийся правами гостеприимства»; 3) «тот, кто приходит извне»; 4) «тот, кто находится вне пределов общины» [3, с. 368]. Второе значение

обеспечивает понятию «чужой» специфическую окраску, отличную от общепринятых характеристик. Данная особенность категории «чужеродность» наиболее ярко проявляется в «out-group» перспективе политического дискурса, потому что политический дискурс, направленный на внешнюю политику, предполагает, что политик выступает не как частное лицо, а как представитель политической партии, правительства или даже народа. Это налагает на него определенные обязательства и ответственность за сохранение дружеских отношений и предотвращение возможных конфликтов.

В качестве примера реализации категории «чужеродность» в «out-group» перспективе мы взяли публикации российских СМИ, освещающие конфликт России и Великобритании в июле 2007 г., когда в ответ на отказ России экстрадировать А. Лугового, причастного, по мнению британской полиции, к смерти А. Литвиненко, министр иностранных дел и по делам Содружества Великобритании Д. Милибэнд объявил о предстоящей высылке из Великобритании четырех сотрудников российского посольства, а также об ужесточении визовой практики в отношениях с Россией.

Анализ публикаций печатных и интернет-изданий позволил сделать вывод о том, что в высказываниях российских политических агентов прослеживается пять основных стратегий реализации категории «чужеродность»:

– стратегия театрализации, направленная на усиление эффекта «искусственности» созданной оппонентом ситуации, содержащая намек на ведение оппонентом двойной игры и наличие скрытого замысла в его действиях. Имплицитно такая стратегия чаще

всего реализуется с помощью лексем «режиссура», «сценарий», «роли», «сцена» и др., номинативными средствами через идеологически оппозиционные выражения «*сознательно политизировать*», «*резкого ухудшения отношений*», эксплицитно же она проявляется в виде намеков на двусмысленность действий, неестественность сложившейся ситуации, слишком слаженный механизм выполнения и др.;

– стратегия «осаживания», направленная на то, чтобы «поставить оппонента на место» путем указания на его ошибки, уличения в действиях, противоречащих заявленной постановке вопроса («*сама Великобритания многократно отказывала в выдаче*», «*Лондон также отвечал отказом на запросы об экстрадиции со стороны Швейцарии, Бельгии, Франции, Аргентины*»), обращения к законам, подчеркивания своей «правильности» («*наша позиция согласуется и с Европейской конвенцией о выдаче*»), создания оппозиционной коалиции, нагнетание негативизма путем перечисления предъявленных обвинений тем людям, которых Великобритания отказалась экстрадировать («*подозреваемых в совершении уголовных, в том числе террористических преступлений*», «*открыто призывавшего к свержению законной российской власти*», «*пособника международных террористов*»). Отрицательно коннотированными лексическими единицами создается масштабность опасности этих людей для безопасности общества и их причастности к международному терроризму и преступности («*свержение законной власти*», «*пособник террористов*», «*помощь террористам*» и др.);

– стратегия драматизации, проявляющаяся в аккумуляции негативной информации, направленной против оппонента, акцентировании отрицательных черт противника. Стратегия драматизации реализуется, в основном, лексическими средствами с помощью отрицательно окрашенных лексических единиц («*русофобские настроения*», «*резкое ухудшение*», «*конфронтация*»), усиливается за счет использования выражений со значением «наступательности», градации, постепенного наращивания, чаще всего в негативном смысле («*нагнетание*», «*ведут к конфронтации и сужению возможностей для взаимодействия*», «*ухудшение отношений между Британией и Россией, Россией и Западом*»), прагматическими средствами через конкретные речевые акты, обеспечивающие и поддерживающие реализацию категории «чужеродность», когнитивными средствами на уровне концептов (например, концепта «*холодной войны*»), который на когнитивном уровне сопря-

гается с многолетней конфронтацией, недоверием, отсутствием партнерских отношений);

– стратегия соперничества, направленная на самоутверждение, демонстрацию самодостаточности, подчеркивание своей значимости в глазах оппонента, готовность постоять за себя в случае опасности. Реализация стратегии соперничества нередко сопрягается с высказываниями в ультимативной форме («*в Лондоне должны понимать, что провокационные действия не останутся без адекватного ответа*»), критикой («*человек, занимающий столь важный пост, должен отдавать себе отчет*»), нарочито подчеркнутыми высказываниями о нашем превосходстве и несостоятельности оппонента в какой-либо области («*насколько тонко работают российские спецслужбы против своих коллег из Британии*», «*ведь цены на энергоносители в мире сейчас таковы, что Россия способна спокойно пережить этот конфликт. А вот способна ли Великобритания – это вопрос*»);

– стратегия поддержания положительных отношений, направленная на стремление избежать конфликта или выйти из него с наименьшими потерями. На прагматическом уровне это проявляется в виде положительно окрашенных речевых актов, например использование метафоры «*сделать позитивный шаг*» на фоне общего негативного контекста явно направлено на стремление изменить ситуацию в лучшую сторону; тактически – с помощью акцентирования внимания на положительных характеристиках политического оппонента, проявленных ранее или предполагаемых в силу сложившихся взаимоотношений («*Россия – это не бывшая британская колония, а великая держава, с которой Великобритания всегда старалась поддерживать партнерские и уважительные отношения*»).

Итак, стратегии репрезентации категории «чужеродность» в политическом дискурсе, представленные с точки зрения «out-group» перспективы, имеют специфическую окраску, что во многом обусловлено семантическими особенностями понятия «чужой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждость» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики, 1985–1987. – М. : Наука, 1989. – С. 54–82.
2. Куликова Л. В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме / Л. В. Куликова. – Красноярск, 2006. – 392 с.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.

Сибирский федеральный университет

*Детинко Ю. И., аспирантка кафедры лингвистики
и межкультурной коммуникации
E-mail: julia_detinko@mail.ru
Тел.: 8-962-083-12-08*

Siberian Federal University

*Detinko J. I., Post-graduate Student of Linguistics and
Cross-cultural Communication Department
E-mail: julia_detinko@mail.ru
Tel.: 8-962-083-12-08*